

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 159

29 июня 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием телефонной и видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы Ш. от 22 марта 2023 года № ... (вх. № ... от 29.03.2023),

установил:

17 мая 2023 года Квалификационная комиссия вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы Ш., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат С. сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии он получил и ознакомился с ним, с выводами Комиссии полностью согласен, ходатайств и заявлений не имеет.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав адвоката С., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что с 30 декабря 2022 года в производстве Ч. районного суда города Москвы находится уголовное дело № ... (...) по обвинению А. и Г. в совершении нескольких преступлений. 09 января 2023 года адвокат С. был назначен защитником подсудимого Г. на основании заявки № ..., размещенной в АИС АПМ судьей Ч. районного суда города Москвы Ш.

В судебном заседании 22 марта 2023 года подсудимый Г. заявил устное ходатайство о предоставлении ему в качестве защитника адвоката Т., который осуществлял его защиту на стадии предварительного расследования. В обоснование ходатайства подсудимый Г. указал на необходимость сохранения последовательности в его защите и позиции по

уголовному делу, сформированной совместно с адвокатом Т. на предварительном следствии.

По результатам рассмотрения указанного ходатайства председательствующим на основании ст. 52 УПК РФ было вынесено протокольное постановление о непринятии судом отказа подсудимого Г. от помощи адвоката С.

Адвокат С. возражал против данных действий решения председательствующей судьи, настаивая на предоставлении подсудимому Г. возможности письменно оформить свое заявление об отказе от защитника, что предусмотрено ч. 1 ст. 52 УПК РФ.

В ходе последующего допроса представителя потерпевшего В. адвокат С. указал, что не уверен в своих полномочиях защитника Г., так как последний от него отказался. При этом адвокат С. пояснил, что не отказывается от участия в судебном заседании, однако у него нет вопросов к представителю потерпевшего, поскольку данный эпизод не вменялся его подзащитному.

После перерыва в судебном заседании подсудимый Г. огласил свою письменную жалобу в Адвокатскую палату города Москвы об отказе от назначенного ему судом защитника – адвоката С., с просьбой провести проверку по данному факту и дать оценку действиям адвоката. Как пояснил адвокат С., текст жалобы был составлен по просьбе председательствующей судьи во время объявленного ею перерыва в судебном заседании и отключения на это время аудио-протоколирования. При этом текст жалобы был составлен не самим Г., а другим подсудимым – А. Председательствующая судья протокольным постановлением удовлетворила отказ Г. от защитника - адвоката С., мотивировав это тем, что адвокат С. фактически отказался от осуществления защиты подсудимого Г., после чего адвокат С. покинул зал судебного заседания.

27 марта 2023 года адвокатом С. принесены замечания на протокол судебного заседания, в которых он указал на предложение председательствующей судьи Г. написать жалобу на адвоката С., однако в связи с его отказом председательствующий предложил сделать это подсудимому А., который согласился и под диктовку судьи написал текст жалобы. После перерыва жалоба была оглашена и принята судом несмотря на то, что она адресована не суду, а Адвокатской палате города Москвы.

28 марта 2023 года постановлением председательствующей судьи Ш. замечания адвоката С. на протокол судебного заседания были отклонены со следующей мотивировкой: «законом не предусмотрена обязанность секретаря судебного заседания отражать в протоколе действия, совершаемые в объявленном перерыве судебного заседания».

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отказе адвоката С. от принятой на себя защиты, Совет отмечает, что при реализации судьей (судом), в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ, своих полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в случаях отказа

назначенного защитника от принятой на себя защиты по уголовному делу и ненадлежащего выполнения защитником своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного по его поручению защитника основано на взаимосвязанных положениях ч. 1 и ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в случаях, предусмотренных законом, каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления - право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих участие защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

Вместе с тем Совет отмечает, что в материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства отказа адвоката С. от осуществления защиты Г. Подсудимый Г. в ходе судебного заседания от 22 марта 2023 года реализовал свое право, предусмотренное ч. 1 ст. 52 УПК РФ, на отказ от защитника С. При этом адвокатом С. обращено внимание суда на нарушение требований ч. 1 ст. 52 УПК РФ, поскольку суд рассмотрел и разрешил устное заявление Г., тогда как ч. 1 ст. 52 УПК РФ предусматривает письменную форму такого отказа.

Необязательность такого отказа подсудимого от помощи защитника для суда была реализована протокольным постановлением председательствующей судьи, не принявшей отказ Г. от защитника С.

При этом Совет отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 июля 2019 года № 28-П по делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова указал: «если назначенный защитник не устраивает подозреваемого, обвиняемого ввиду его низкой квалификации, занятой им в деле позиции или по другой причине, подозреваемый, обвиняемый вправе отказаться от его помощи, что, однако, не должно отрицательно сказываться на процессуальном положении привлекаемого к уголовной ответственности лица. В этом случае дознаватель, следователь, суд обязаны выяснить у подозреваемого, обвиняемого, чем вызван отказ от назначенного защитника, разъяснить сущность и юридические последствия такого отказа и при уважительности его причин предложить заменить защитника. Обоснованность отказа от конкретного защитника должна оцениваться в том числе исходя из указанных в статье 72 УПК Российской Федерации обстоятельств, исключающих его участие в деле, а также с учетом норм статей 6 и 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», закрепляющих полномочия и обязанности адвоката.

Вместе с тем часть вторая статьи 52 УПК Российской Федерации, находясь в нормативном единстве с частью первой той же статьи и статьей

51 данного Кодекса и не наделяя отказ от защитника свойством обязательности для дознавателя, следователя и суда, предполагает, что при разрешении соответствующего заявления в каждом случае следует установить, является ли волеизъявление лица свободным и добровольным и нет ли причин для признания такого отказа вынужденным и причиняющим вред его законным интересам. Тем самым названные нормы, будучи публично-правовыми гарантиями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, направленными на защиту прав подозреваемого, обвиняемого, не предполагают возможности навязывать лицу конкретного защитника, от которого оно отказалось, исключают принуждение лица к реализации его субъективного права вопреки его воле. Осуществление права пользоваться помощью защитника на любой стадии процесса не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению.

Обеспечивая право подозреваемого, обвиняемого защищать свои права с помощью назначенного или выбранного им самим защитника, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вместе с тем прямо не регламентирует ситуацию, связанную с участием в деле защитника по назначению, от которого подозреваемый, обвиняемый отказывается при одновременном участии в деле защитника по соглашению. Такой отказ не может рассматриваться как отказ от защитника вообще, так как право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи предполагается обеспеченным, а потому положение части второй статьи 52 УПК Российской Федерации о необязательности отказа от защитника для дознавателя, следователя и суда в данном случае не может применяться со ссылкой на защиту прав подозреваемого, обвиняемого. Тем не менее это не исключает возможности оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Критерии наличия такого злоупотребления выработаны судебной практикой».

Совет отмечает, что мотивировка протокольного постановления суда, не принявшего устно заявленный Г. отказ от защитника С., не содержит какого-либо анализа и оценки доводов Г., который настаивал, чтобы его защиту продолжил адвокат Т., защищавший его на предыдущей стадии уголовного судопроизводства. Отсутствуют в мотивировке данного протокольного постановления суда и какие-либо ссылки на злоупотребление подсудимым Г. и (или) его защитником адвокатом С. своими процессуальными правами, их недобросовестные действия в ущерб интересам других участников процесса.

Оценка судом занятой впоследствии адвокатом С. при описанных выше обстоятельствах позиции как самоустранения от защиты Г., не

подтверждается материалами дисциплинарного производства и противоречит ясно выраженной позиции самого адвоката С. об отсутствии с его стороны отказа от защиты Г.

Дальнейшие действия председательствующей судьи, направленные на получение жалобы от имени Г. на действия адвоката С., на основании которой судом был принят отказ Г. от защитника С., а последний освобожден от участия в процессе, не влияют на оценку профессионального поведения адвоката С. и, в частности, на вывод о том, что он не отказывался от защиты Г.

Таким образом, прекращение профессиональной деятельности адвоката С. по защите Г. было обусловлено не его профессиональным поведением, а действиями и решениями председательствующей судьи, описанными выше.

Совет оценивает содержание указанной жалобы Г. как фактический отказ от защитника С. Она не может рассматриваться как жалоба в отношении адвоката С., так как, вопреки требованиям пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, не содержит описаний конкретных действий (бездействия) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельств, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательств, подтверждающих эти обстоятельства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката С. не опровергнута, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в Реестре адвокатов города Москвы) по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы Ш. от 22 марта 2023 года № ... (вх. № ... от 29.03.2023), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков